

Во дворе Цзиньивэй не было ни души.

Когда Юньци услышал за спиной шаги, он подсознательно прикрыл рукой лежавшие на груди банкноты, но не обернулся, а, взяв уголь, продолжил выводить на воротах иероглифы.

— Когда ты вернулся?

— В городе идёт сражение, Жун-гэ-эр. Разве тебе не следует охранять императора?

Жун Цин сказал:

— Юнь-гэ-эр, при дворе все говорят, что ты совершил измену. Неужели это правда?

Юньци немного помедлил, затем кивнул:

— Юньвэнь пожаловал мне отравленное вино, хотел убить меня. Мне следовало не совершать измену, а, как мой отец, стоять и ждать смерти?

Юньци сильными и свободными штрихами выводил на воротах иероглифы. Затем он слегка опустил голову и увидел в тусклом свете снежной ночи тень Жун Цина, падающую у его ног.

Жун Цин одной рукой опирался на меч, а правая его слегка дрожала.

— Раз уж переметнулся на сторону мятежников, зачем тогда вернулся?

— Не смог вас бросить, — рассеянно ответил Юньци. — Пока меня не было, как Юньвэнь с вами обращался?

Жун Цин ответил:

— Как обычно.

Юньци распорядился:

— Сходи-ка, позови братьев из Цзиньивэй, пусть отдохнут во дворе.

Жун Цин отозвался, но с места не сдвинулся. Кругом стояла мёртвая тишь, слышался лишь легкий шорох падающего снега. Спустя время издали донесся гул сражающегося войска, грохот пушечных залпов, и зарево объяло полнеба, окрасив ночную столицу в багровый цвет.

— Жун-гэ-эр. — Юньци не обернулся. На пустынном дворе пейзаж вдруг слегка расплылся, затем снова прояснился, словно от головокружения при недостатке крови. — Я всё думаю об одном.

— О чём? — напряжённо спросил Жун Цин.

Юньци устало произнес:

— О деле Лань Юя.

Тоба Фэн, раскинув руки, словно серый ястреб в снежной ночи, перепрыгивал с крыши на крышу. Сюй Хуэйцзу преследовал его по пятам, и его белый плащ развевался в порывах метели.

Когда меч уже коснулся спины, Тоба Фэн упёрся рукой в землю, сделал сальто, и его ноги, обутые в военные сапоги, описали изящную дугу, взметнув в воздух облако снежной пыли.

Сбоку последовал удар, и сверкнул меч!

Единым порывом прозвучали три резких лязга, и Сюй Хуэйцзу отшатнулся на три шага, его рука онемела. Тоба Фэн взмахнул тяжёлым клинком «Семь звезд», и огромная сила, вцепившись в тело Сюй Хуэйцзу, отшвырнула того в сторону!

Тоба Фэн нанес два молниеносных укола и с насмешкой произнёс:

— Город вот-вот падёт. Второй шурин, почему же вместо того, чтобы защищать своего пса-императора, ты пристал ко мне?

Сюй Хуэйцзу взмахнул мечом, вмиг описав в воздухе круг. В следующее мгновение его гибкий клинок ослабил мягкой силой дерзкий прием Тоба Фэна, и мужчина воскликнул:

— Ловишь бандитов — начинай с главаря! Бросил бы камень в крысу, да боюсь перебить посуду*! Даже если сегодня придётся пожертвовать Сюандэмэнь*, сначала я должен схватить тебя!

* Бросил бы камень в крысу, да боится перебить посуду (□□□□) — обр. в знач.: воздержаться от действия, из страха перед последствиями; опасаться причинить вред невинным.

* Сюандэмэнь (□□□□) — название ворот императорского дворца, «провозглашение добродетели».

Глаза Тоба Фэна были спокойны, как вода. Он вытянул руку вперёд и вызывающе поманил Сюй

Хуэйцзу к себе.

Тот пришёл в ярость и уже собрался ринуться вперёд с мечом, как в тот же миг за городской стеной прогремел выстрел, и снаряд с воем влетел внутрь города, разнеся вдребезги место, где они стояли!

Теперь их разделял охваченный огнём жилой дом, откуда неслись непрерывные крики и плач.

Тоба Фэн ответил:

— Фэн — всего лишь никому не нужный стражник. Хватать меня в заложники — слишком уж высокая честь для меня.

Сюй Хуэйцзу твёрдым голосом произнёс:

— Для меня достаточно, что за тебя переживает мой младший брат.

Тоба Фэн переспросил:

— Что ты сказал?

Сюй Хуэйцзу гневно воскликнул:

— Достаточно того, что Юньци один переживает за твою жизнь!

Тоба Фэн как раз и хотел услышать эти слова снова, поэтому сразу же обрадовался:

— Хорошо сказано, второй шурина!

«...»

Сюй Хуэйцзу не нашёлся, что ответить.

Он уже приготовился броситься вперёд, но Тоба Фэн, воспользовавшись моментом, развернулся и пустился наутёк, на всей скорости скрывшись в мгновение ока.

— Цзиньвэй — самые доверенные приближённые императора, — серьёзно произнёс Юньци. — От Тайцзу до Юньвэня, все дела, которые было неудобно передавать обычным чиновникам, поручались именно им.

Жун Цин возразил:

— Просто свора прихвостней. Из-за дел, которые поручал император, Цзиньивэй нажили себе врагов на каждом шагу...

Юньци сказал:

— Поэтому, если уж нужно оклеветать сановника, действовать надо втайне. И поручить это можно только самым доверенным лицам. Как, например, в деле Лань Юя.

Жун Цин молчал, и Юньци спросил снова:

— Когда при покойном императоре расследовали дело Лань Юя, нас с Лао Ба отправили навести справки. Запутанная была история, мы голову сломали, пока во всём разобрались...

Жун Цин вдруг перебил его:

— Так вот почему ты отпустил Цинь-гэ-эра?

Уголки губ Юньци слегка приподнялись, но он не стал прямо отвечать на вопрос Жун Цина, а с увлечённостью заметил:

— Император решил обвинить Лань Юя в мятеже, поэтому подослал людей подбросить поддельные улики, а потом отправил командира и заместителя командира Цзиньивэй провести расследование. В итоге арестовали весь род Лань Юя, и в дело оказалось впутано более двадцати тысяч человек...

— Разве это не вполне обычно? — перебил его Жун Цин. — Что тут странного?

— По логике вещей, — рассеянно произнёс Юньци, — в то время доверенными лицами покойного императора были мы с Лао Ба. Тогда кого же император послал подставить главнокомандующего Лань Юя? Вот, что странно.

Жун Цин отошел на полшага, с тихим шорохом ступив в снег.

— Юнь-гэ-эр, ты хочешь сказать, что среди братьев из Цзиньивэй есть предатель?

— «Предатель» — это громко сказано, — усмехнулся Юньци. — Тайцзу отличался крайней подозрительностью, он даже мне, Лао Ба и учителю Цзяну не доверял, это понятно. Мы были всего лишь тайными осведомителями, простыми слугами, так что нам ничего не грозило, если не задевать драконью чешую. Юнь-гэ-эр правда виноват в том, что втайне отпустил Чжан

Циня, но тогда ши-гэ посадили в тюрьму и поднесли ему ту чашу с отравленным вином... вот этого я никак не мог взять в толк...

— ...Если разбирать подробнее, похоже, покойный император оставил этого шпиона либо Великому воспитателю Хуану, либо, возможно, нынешнему императору? — холодно процедил Юньци. — Жун-гэ-эр, неужели за все эти годы ты совсем ничего не замечал?

Жун Цин на мгновение задумался, затем ответил:

— Нет. С чего ты взял, что покойный император передал этого доносчика императору?

Юньци медленно проговорил:

— Потому что, когда Юньвэнь хотел убить меня, Те Сюань держал в руках Императорский меч Цзиньивэй.

— Кому я передал Императорский меч перед тем, как покинуть столицу?

— Жун Цин!

Гневный крик Юньци разорвал тишину, и в тот же миг Жун Цин обернулся, выхватив из-за пояса меч Сючунь.

Юньци правой рукой швырнул уголь, левой же, изящным движением, обнажил свой клинок и нанёс обратным хватом удар. С лязгом «динь» два меча столкнулись, высекая сноп искр.

Жун Цин, стиснув зубы, воскликнул:

— Юньци! Сейчас же пойдёшь со мной к императору!

Юньци взметнул клинок вбок, рассеяв в воздухе ослепительную вспышку света. Жун Цин поднял меч, чтобы парировать удар, и Юньци в ярости взревел:

— Так это правда ты!

Манера боя Юньци сильно отличалась от стиля Тоба Фэна. Если удары Тоба Фэна были широкими и размашистыми, он полагался на грубую силу и шёл напролом, то приёмы Юньци были коварными и переменчивыми. Каждый его взмах, каждый удар наносился под неожиданным, смертельно опасным углом. Жун Цин тут же был вынужден перейти к обороне, отступая шаг за шагом.

Он заорал:

— Юньци! Как сановник, ты неверен и бесчестен! Твой отец был заслуженным деятелем, участвовал в основании династии...

Юньци ловким взмахом вложил меч в ножны. Со всей мощи он ударил Жун Цина плечом в бок, отшвырнув его за пределы двора.

Жун Цин резко оттолкнулся ногами, упал возле дерева, но, когда перевернулся, уже держал в руке самопал, нацеленный на Юньци.

— Идём со мной во дворец Тайхэ, — сказал Жун Цин, немного отдышавшись. — Великий воспитатель знал, что ты вернёшься.

Юньци слегка развернул запястье, и Жун Цин тут же пригрозил:

— Не двигайся! Спрячь свое дурацкое скрытое оружие! Иначе убью!

— Если понял, иди впереди... Иди же! — рявкнул Жун Цин. — И не вздумай снова бежать!

Юньци усмехнулся:

— Внук императора всё ещё хочет меня видеть?

— И сейчас ты ещё надеешься, что внук императора тебя пощадит? — ответил Жун Цин. — Открою тебе правду, Сюй Юньци, Великий воспитатель приказал связать тебя, вывести за Полуденные ворота... и подвергнуть тысяче ранам от ножей...

— ...И десяти тысячам надрезов*. — Спокойный голос Тоба Фэна раздался сзади. Палец Жун Цина ещё не успел нажать на спусковой крючок, как тяжёлый меч обрушился ему на затылок, а спереди налетел белоснежный клинок Чаньи. Шёлковые нити ледяного шелкопряда* с двух сторон опутали самопал и резко вырвали его из рук.

* Досл. «тысяча ножей и десять тысяч порезов» (千刀万剐) — рассечь на множество кусков; изрубить (первоначально: казнь, позднее — бранное выражение). По сути, то же самое, что линчи, «казнь тысячи надрезов» (千刀).

* Ледяной шелкопряд (冰蚕) — насекомое из романа Цзинь Юна «Полубоги и полудьяволы», якобы живет в снегу, ткань из его шёлка не мокнет в воде и не горит в огне.

Оружие с грохотом выстрелило в небо. От удара Тоба Фэна по затылку в глазах Жун Цина

потемнело, и он рухнул на землю без сознания.

Юньци вытер холодный пот и сказал:

— Не убивай его.

Тоба Фэн вложил меч в ножны на спине и спокойно произнёс:

— Возле Терема Танцующего Дыма сидят в засаде лазутчики. Все уже знают, что мы вернулись.

Огромный пожар поглощал главные улицы Нанкина. Неумолимо приближались грохот сражения и крики, и Юньци понял, что город пал. Чжу Ди и Чжу Цюань, два брата, уже прорвались во внутренний город.

— Пойдём, присоединимся к войскам, — протянул руку Тоба Фэн.

Юньци помолчал мгновение, затем сказал:

— А как же второй брат? Я хочу сходить к Полуденным воротам.

Пламя, распространяясь вдоль императорского города, охватило дворец Чанцин, храм Цыянь и зал Янсинь, которые рушились один за другим. Перед залом Тайхэ были выстроены три линии обороны. У Полуденных ворот во Внутреннем городе гвардейцы ценой своих жизней сдерживали яростный натиск караула Дояня. Огромная медная решётка преграждала путь за Полуденными воротами, а на площади в один ряд выстроились сорок семь стражников Цзиньивэй, все с мечами Сючунь на поясах и в фэйюйфу.

Ещё дальше, на самой высокой ступени, стоял Чжу Юньвэнь, окружённый плотным кольцом евнухов.

Хуан Цзычэна дрожал. Его губы тряслись, и он в ужасе смотрел на те ворота. Медную решётку отливали лично под надзором Чжу Юаньчжана, и весила она целых две тысячи цзиней.

Чжу Юньвэнь же, напротив, был спокоен. На краю неба показалась белёсая полоска рассвета. Через полчшичэня лучи солнца озарят Нанкин, и наступит новый день, но его собственная жизнь уже подойдет к концу.

Юньци и Тоба Фэн прошли через внутренние покои и остановились у дверей императорского кабинета.

— На что смотришь? — Тоба Фэн склонил голову, водя глазами туда-сюда.

В центре императорского кабинета висел свиток со стихотворением. Первые строки гласили: «Наполовину как солнце, наполовину как луна, некогда золотой дракон откусил от неё кусок».

Юньци вдруг сказал:

— Последние слова покойного императора перед смертью. Угадаешь, что он сказал?

Тоба Фэн растерянно произнес:

— Не знаю.

Юньци пробормотал:

— Он сказал: «Песня о печёных лепёшках» Лю Цзи»...

Тоба Фэн спросил:

— Этот свиток и есть «Песня о печёных лепёшках»?

Юньци кивнул:

— В прошлом, когда Тайцзу трапезничал, Лю Цзи вызвали во дворец. Тайцзу накрыл чашей некий предмет и велел Лю Бовэню погадать... — Юньци повернулся и вошёл в императорский кабинет. Остановившись под надписью, он поднял взгляд вверх: — Должно быть, это почерк Ху Вэйюна. Он был наставником наследного принца Чжу Бяо.

— «Наполовину как солнце, наполовину как луна, некогда золотой дракон откусил от неё кусок». — Тоба Фэн усмехнулся: — Это про лепёшку?

Юньци кивнул:

— Под чашей была лепёшка, откушенная покойным императором.

— Защита крепка, словно нет угроз. Страшусь лишь, что северная ласточка влетит в столицу...

У Юньци по спине побежали мурашки, и он отступил на шаг:

— Ши-гэ, ты помнишь, когда... здесь появилась эта надпись?

Тоба Фэн сказал:

— Она висит здесь с нашего детства.

Юньци дрожащим голосом произнес:

— Лю Цзи... оказывается, всё предвидел! Но ведь это события, что произойдут десятилетия спустя!

— Северная ласточка... северная ласточка влетит в столицу — это же про Янь-вана*!

* Слово «ласточка» (雁) [yān] и «Янь» из «Янь-ван» — один и тот же иероглиф. Удел Чжу Ди находился на землях, на которых в древние времена размещалась Северная Янь.

Как только Юньци это сказал, даже у Тоба Фэна по спине пробежал холодок.

Взгляды Юньци и Тоба Фэна опустились ниже, и они увидели на свитке ещё несколько строк: «Император лично возглавит поход на этот город, обеспечив вечный мир и процветание всей стране».

«Обеспечив вечный мир и процветание всей стране?» — с сомнением произнёс Юньци. — Что это значит...

В сердце Тоба Фэна что-то дрогнуло, он протянул руку, чтобы снять свиток. Юньци уже хотел остановить его, но увидел, что за надписью на стене находился потайной отсек.

Огненное море поглотило императорский дворец, но шквал ветра отклонил бушующее пламя, приближающееся к императорскому кабинету.

За медной решёткой грохот сражения постепенно стихал, и донёлся голос Чжу Цюаня.

— А где таран? Где таран?

— Всем воинам слушать приказ! Таранить ворота!

Чжу Юньвэнь глубоко вдохнул, а Хуан Цзычэн дрожащим голосом воскликнул:

— Мятежники вот-вот ворвутся в Полуденные ворота. Командир Хуань Кэ... видимо, пал в бою.

Прошу Ваше Величество укрыться внутри!

Чжу Юньвэнь покачал головой:

— Нет, я хочу увидеть четвёртого дядю.

С первым оглушительным «бам!» медная решётка весом в тысячу цзиней слегка дрогнула, и из щелей ворот посыпались мелкие камешки.

Хуан Цзычэн выхватил длинный меч и истерично закричал:

— Защищайте императора! Сегодня будем сражаться с этими мятежниками до конца!

— Ха-ха-ха-ха!

Стук в ворота прекратился, Чжу Ди и Чжу Цюань снаружи залились самодовольным смехом.

— Все подразделения Цзиньивэй, слушайте приказ!

Чжу Ди, неожиданно услышав голос Юньци, резко прекратил смеяться и в ужасе воскликнул:

— Как Юньци оказался внутри?!

— Блять! Быстрее ломайте ворота! Как мой шурин попал в императорский дворец?! — на этот раз закричал уже Чжу Ди.

— Юнь-гэ-эр!

— Командир Сюй вернулся!

Стражники один за другим взволнованно заголосили, рванувшись вперёд.

Чжу Юньвэнь не веря своим глазам обернулся, глядя на двух человек, неведь откуда взявшихся в зале.

Тоба Фэн сверлил Чжу Юньвэня холодным взглядом, а Юньци вышел из зала и громко провозгласил:

— Жун Цин исключён из списков! Сорок семь человек восьми подразделений Цзиньивэй,

слушайте приказ!

Сорок с лишним стражей Цзиньвэй ответили громовым кличем!

— По приказу командира Тоба все стражники должны отступить в зал Тайхэ! Великий воспитатель Хуан возглавит войска для защиты Полуденных ворот!

В тот же миг засверкали клинки. Стражники, защищая Чжу Юньвэня, укрылись в зале, а Тоба Фэн захлопнул ворота.

Весь в крови, Хуянь Кэ в жалком состоянии ворвался в зал с рёвом:

— Пустите и меня! Этот командир предан императору всем сердцем!

Тоба Фэн слегка надавил, и створки ворот стиснули голову Хуянь Кэ.

— Ты... — стиснув зубы, прошипел Хуянь Кэ. Его шея была зажата, и лицо покраснело.

Юньци, не зная, смеяться или плакать, сказал:

— Пусти его.

— Вы все, охраняйте зал. Не открывайте ворота, как можно дольше тяните время и слушайте Лао Ба, — распорядился Юньци. — Внук императора, прошу следовать за мной.

К этому моменту Чжу Юньвэнь находился уже в полной прострации, и его, шатающегося, поддерживал Хуянь Кэ, пока они шли к задней части зала.

— Это ты дал мне ту чашу с отравленным вином? — спокойно спросил Юньци.

— Нет! — Чжу Юньвэнь, не в силах сдержать горе, схватился за руку Юньци, уткнулся в его плечо и разрыдался.

Обняв Чжу Юньвэня за плечи, Юньци подвёл его к кабинету. Печаль и отчаяние Чжу Юньвэня наконец вырвались наружу, и он громко заплакал навзрыд, беспомощный, как когда-то маленький принц, над которым издевались.

Сердце Юньци сжалось от боли. Он не мог больше этого выносить и, держа Юньвэня, подвёл его к «Песне о печёных лепёшках».

Юньци тихо успокоил его:

— Юньвэнь, это не твоя вина, не плачь.

Глаза Чжу Юньвэня наполнились слезами, и он замер, глядя на свиток. Юньци произнёс:

— Всё предопределено судьбой, смотри.

Длинные пальцы Юньци скользнули по строкам «Песни о печёных лепёшках», и он пробормотал:

— Когда умирал твой дед, последними его словами, думаю, было веление прочесть тебе этот свиток.

— Он кое-что оставил для тебя, откроешь и посмотришь? — Юньци откинул свиток, обнажив потайное отделение в стене, и добавил: — Всё, возможно, ещё можно исправить.

Хуянь Кэ поспешно сказал:

— Верно! Ваше Величество, не сдавайтесь, сейчас ещё не всё потеряно! Скорее, откройте...

Чжу Юньвэнь открыл потайное отделение и дрожащими руками вынул оттуда свёрток.

Когда его развернули, поднялось облако пыли. Юньци и Чжу Юньвэнь несколько раз сильно закашлялись, оба остолбенели.

В свёртке лежала бритва, монашеское удостоверение* и ряса.

* Монашеское удостоверение (□□) — монахам и монахиням в качестве официального свидетельства от государственных властей выдавалась удостоверение о посвящении. Те, у кого была такая грамота, освобождались от земельного налога и трудовой повинности.

На пожелтевшем листке бумаги было написано:

«В юные годы чжэнь был монахом в храме Хуанцзюэсы, но потом по приглашению Тан Хэ поднял восстание и вступил в армию Хань Линьэра. Чжэнь получил титул У-вана, семью отрядами и тринадцатью армиями двинулся на север Центральной равнины и основал императорский трон.

Однако завоевать Поднебесную легко, а удержать власть трудно. Если потомки и преемники столкнутся с опасностью, пусть помнят, откуда пришли и куда должны вернуться».

Юньци никак не ожидал, что Чжу Юаньчжан оставил внуку вещи для пострижения в монахи. Он на мгновение замер, словно громом поражённый, и не знал, что сказать.

Однако Чжу Юньвэнь совершенно пал духом. Держа в руках эти предметы, он протянул лишь:

— Дедушка...

Не договорив, юноша снова разрыдался.

Медная решётка перед главным залом с оглушительным грохотом рухнула, и армия Янь-вана издала всеокрушающий ликующий рёв.

Сердце Юньци ёкнуло. Он подумал только, что если тронный зал падёт, войска, захватившие Чжу Юньвэня, ворвутся внутрь дворца. В спешке он набросил рясю на Чжу Юньвэня и крикнул:

— Быстрее, уходим!

Чжу Юньвэнь в полубессознательном состоянии рыдал и крепко хватался за Юньци, не отпуская. Хуянь Кэ держал факел, и они бежали через императорский сад. Добравшись до берега озера Сюань, Юньци рукой подцепил небольшую лодку и сказал Хуянь Кэ:

— Западный водный путь реки Циньхуай не перекрыт. Охраняй внука императора и отправляйся к выходу на дамбе с иероглифом «Юнь», там проверки не будет.

Чжу Юньвэнь зарыдал ещё громче:

— Нет! Не бросай меня! — рука его всё крепче впивалась в рукав Юньци.

Чжу Юньвэнь так горько заливался слезами, что готов был выплакать душу. Он цепко держался за рукав Юньци, ни за что не желая его отпустить.

Юньци в тревоге воскликнул:

— Быстрее уходи! Я всего лишь императорский стражник, я не смогу тебя защитить!

Чжу Юньвэнь хотел что-то сказать, но Хуянь Кэ перебил его:

— А ты, Суй Юньци? Вернёшься и будешь насмерть биться с мятежниками?

Юньци глубоко вздохнул и произнёс:

— Я пойду... и возглавлю братьев из Цзиньивэй... ну, знаешь.

С этими словами Юньци выхватил меч Сючунь и отсек им кусок рукава. Хуянь Кэ оттолкнулся веслом от берега, и Чжу Юньвэнь, держа в руке отрезок рукава Юньци, с рыданиями отплыл от берега.

Юньци почесал затылок и тихо произнёс:

— Прости, пёс Хуянь... Ты — настоящий... верный пёс, а я вернусь, чтобы повести Цзиньивэй... сдаваться.

Плач Чжу Юньвэня постепенно затихал вдали. Юньци вздохнул, опустился на колени на берегу озера Сюань и трижды поклонился в сторону лодки.

Войска Чжу Ди, словно хищные звери, прорвались за внешние городские ворота. С лёгкостью расправляясь со стариками, женщинами и детьми у Полуденных ворот, они вломились внутрь.

Разбив медную решётку, они принялись таранить ворота в зал Тайхэ. После трёх ударов они рухнули, и евнухи в панике разбежались кто куда. Хуан Цзычэна с грохотом придавило огромной деревянной дверью.

— Фэн-эр! — заревел Чжу Ди. — Что тут происходит? Где мой младший шурин?

— Мятежник, смутьян! — Хуан Цзычэна прижало дверью, на которой стоял Чжу Ди. В зал вбежал Чжу Цюань во главе сотни воинов, и все они, несколько сотен человек, разом прошлись по тому же дверному полотну. Хуан Цзычэн с хрипом исторгнул изо рта белую пену и потерял сознание.

— Погодите-погодите! Все вниз! — поспешно командовал Чжу Ди. — Не затопчите Великого воспитателя насмерть, его надо оставить для казни тысячи надрезов. Поднимите его, поднимите.

Всех стражей Цзиньивэй пробил озноб. Тоба Фэн, нервно сжимая меч Сючунь, некоторое время дрожал, прежде чем произнести:

— Юньци... велел мне охранять это место.

Чжу Ди снова взревел:

— Взбунтовались! Уберите свои мечи!

Видя, что ситуация безнадежна и помня приказ Юньци тянуть время, Ту Мин понимал, что сейчас нельзя упрямо сопротивляться. Он первым убрал меч и обратился к Чжу Ди:

— Князь... эти ничтожные всего лишь исполняли приказ, умоляем князя вспомнить прежнюю дружбу...

Чжу Ди, подбоченясь, усмехнулся:

— Прежнюю дружбу? Какую дружбу? Когда играли в волан и всей гурьбой давили меня в углу? Кстати, а где тот парень Жун Цин?! Этот князь ещё не свел с ним счеты за то, что он толкал меня в прошлый раз! Куда он убежал?!

Юньци, опираясь на заднюю дверь, переводил дух. Услышав эти слова, он поправил одеяние и вошёл в зал.

— Все они — подчинённые вашего слуги. Из-за того, что я не справился с их воспитанием, они осмелились нанести оскорбление Вашему Величеству. Прошу Ваше Величество проявить милость и простить их.

Он скомандовал:

— Цзиньивэй! На колени!

Цзиньивэй разом ахнули. Юньци первым опустился на колени. Мечи Сючунь один за другим возвращались в ножны, и весь зал заполнился преклонившими колени стражниками.

Чжу Ди прищурился, некоторое время разглядывая Юньци, затем ответил:

— Поднимайся, брат императрицы.

Чжу Ди глубоко вздохнул и расправил широкие рукава своего княжеского облачения. За воротами зала сияло солнце, заливая помещение золотыми лучами.

Юньци снова произнёс:

— Цзиньивэй стоят во главе двадцати двух гвардейских отрядов. От имени исполняющего обязанности командира Жун Цина, взявшего отпуск, Сюй Юньци и пятьдесят стражей Цзиньивэй, включая Тоба Фэна, с почтением встречают нашего императора.

Чжу Ди в ответ промолчал. В зале стояла зловещая тишина. Десятки тысяч воинов за Полуденными воротами следили, как он направляется к драконьему трону.

— Мир погрузился во тьму! Солнце и луна утратили свет! Мятежники, смутьяны! Вы оскверняете дворцовые устои! — Фан Сяожу, с головы до ног залитого кровью, насильно поставили на колени у Полуденных ворот, и он в исступлении завопил: — Разве может моя Великая Мин признать императором разбойника!? Сотни чиновников двора! С какими лицами вы предстанете перед покойным императором на том свете?!

Чжу Ди повернулся и левой рукой снял с правой нефритовый перстень. Взяв ладонь Юньци, он положил на нее кольцо.

Чжу Ди шутливо забавлялся:

— Власть при дворе захватили коварные льстецы, а императора похитили мятежники, и он пропал без вести. Так как государство не может ни дня обходиться без правителя, этот князь временно займёт трон до тех пор, пока не будет найден император. После этого я немедленно верну ему престол. Канцлер Фан, у вас есть возражения?

Фан Сяожу из последних сил хрипло выкрикнул:

— По какому праву ты взошёл на священный трон девяти и пяти*?!

* В Китае нечетные числа считаются счастливыми. Нечетные числа соответствуют ян ☰, а четные — инь ☷. Девятка — это высшее число ян, а пятерка — среднее и самое благоприятное, поэтому «девять» и «пять» символизируют императорскую власть.

Чжу Ди холодно воскликнул:

— А по какому праву на священный трон девяти и пяти взошёл Чжу Юньвэнь?!

Чжу Ди громко провозгласил:

— Учёные мужи губят страну, потому что взрастили таких, как вы, кто только и умеет, что подхалимничать, льстить и точить языки! Если бы напала Северная Юань, и сегодня в столицу ворвались бы войска из-за Великой стены, как бы вы тогда справлялись, канцлер Фан?!

— Вы не смогли остановить даже меня, Чжу Ди. Канцлер Фан, вы своим острым языком собираетесь отогнать монголов за Великую стену?!

— Пока я жив, Великая Мин не будет отдавать принцесс в жёны иноземцам и платить контрибуции. Она не уступит ни клочка земли и не будет платить дань! Сын Неба отвечает за охрану границ государства и готов умереть за страну!

С рассветом лучи восходящего солнца осветили развалины стен, разбросанные по всему

Нанкину. Воды реки Циньхуай неслись на юг. Вдоль пути, по которому плыла лодка, не стояло ни единого часового. На носу судна, облачённый в монашескую рясу, сидел Чжу Юньвэнь, и на лице его ещё виднелись следы слёз.

У водного шлюза, обращённого к восходящему солнцу, сверкали золотые солнечные лучи.

Чжу Юньвэнь поднял голову, словно всё ещё пребывая во сне.

На шлюзе были небрежно начертаны иероглифы «Фэн» и «Юнь», которые под лучами утреннего солнца напоминали двух расправивших крылья фениксов.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/14987/1326101>